

МИХАИЛ КВАДРАТОВ

Землепользование

Михаил Квадратов

Землепользование

«Издательские решения»

2015

Квадратов М.

Землепользование / М. Квадратов — «Издательские решения», 2015

ISBN 978-5-457-87240-0

«Землепользование» — вторая книга московского поэта Михаила Квадратова. Была издана по оригинал-макету ОАО «Русский двор» в 2006 году. Переиздание 2015 года. В «Землепользовании» поэт уводит читателя в фантомный мир, в котором безошибочно угадывается суть мира настоящего. Единожды посетив открывшиеся пространства, читатель не останется прежним.

ISBN 978-5-457-87240-0

© Квадратов М., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

Переходы	7
Переходы	7
Душа	8
Кот	9
Прошлые (для Argentum)	10
Хоровод	11
«этой ночью воздух обесточен...»	12
Холодно	13
Хранитель	14
Снег	15
Сумерки	16
Котик	17
Лиза	18
Апрель	19
Ленинград	20
колчедан	21
Перекрёсток	22
Звёзды	23
Картонка	24
Под землёй	25
метаморфоз	26
Венеция	27
розмари	28
День	29
Кораблик	30
не удержать	31
Рисунок	32
Жара	33
для СтеппенВольфа	34
Нарру birthday	35
Велосипед	36
делирий	37
туча	38
Гностик	39
осеннее	40
Стены	41
Прохожий (О. Р.)	42
«в среду вечером скажут – сдуру можешь поверить...»	43
Дедушка	44
Судьба	45
Словолы	46
«сидит, кивает головой...»	47
Изюм	48
«заставляли остаться живым: чтобы наверняка – ...»	49
Черновики	50
Ужин	51

Мефодий	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Землепользование Стихотворения Михаил Квадратов

© Михаил Квадратов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Переходы

Переходы

Чего ещё возьмёшь со смерти —
Она четвёртый вечер вертит
Разорванным календарём;
Поёт: когда мы все умрём;
Суёт билеты и пин-коды —
Давно пора, но пешеход
Тайком рисует переходы
И не умрёт.

Душа

Я любитель картофелин, гад и левша
Из пластилина.
К моему пластилину прилипла душа —
Плюшевая фемина.

А быть может, душа и не кошка совсем,
А нефритовый кролик.
Этот кролик не любит того, что я ем —
Скрепками колет.

Хочет на волю...

Кот

Долги раздать, проститься с Ними,
Сменить район, эпоху, имя,
Порвать связующую нить,
Соседям сверху подарить
Четыре пары хромосом —
Меланхолическим котом,
В конечном счёте, обернуться
Вблизи неведомого блюда
И с продолжением – потом.

Прошлые (для Argentum)

Вышли – надумали:

Стать недалёкими, быть невеликими,
Лёгкими кликами, красными бликами,
Чёрными грумами,

Белыми крошками,
Вверх перебежками – вниз перегонами,
Из безвоздушного Иерихона мы
Беглые, прошлые,

Пели и падали,
Будто из повести лётчик и лётчица —
Вот было радости. Слушай, чем кончится...
Надо ли, надо ли...

Хоровод

Ты же знаешь, в середине января
Обязательно приходит новый год.
Злые дети нарядили упыря,
Целовали и водили хоровод.

Хороводик растворился на заре,
Мы же к вечеру растаем, будто бред.
Новый год всегда приходит в январе:
Ты же знаешь, потому что смерти нет.

«ЭТОЙ НОЧЬЮ ВОЗДУХ ОБЕСТОЧЕН...»

этой ночью воздух обесточен
нечего искать такую ночью

заходи – совсем недалеко
там зима в прокуренном трико

кашляет – но ей немного лучше
там горит табак её колючий

светят фотографии огня
там зима не смотрит на меня

мы живые мы лежим на вате
мы живём в оборванной цитате

что кругом другие города
где никто не будет никогда

этой ночью воздух обесцвечен
мы не дышим – незачем и нечем

Холодно

Ох отнимут узелок
Тот где левые печати
Да ненужная книжонка
А отпустят после трёх
Ты чего какая тачка
На дворе никто не любит
Лишь украдкой поцелует
Беспокойный пьяный ангел
На Владимирской дороге
В переходе у метро
Мимо яви мимо нави
Полетишь совсем ненужный
Над пятнистыми полями
Над зеркальными морями
Горьким порошком
Хорошо бы хорошо
На второе да на дно
Только холодно
Холодно
Мокрые носки
Провалился да без шапки
Уф не хочется на небо
Тут полюбишь
Злое утро

Хранитель

Ты сегодня никакой,
Только где-то над Москвой,
Покидая вытрезвитель,
Светлый ангел – твой хранитель,
Полетит, подобный птичке,
На небесной электричке
В горний град Ерусалим,
И труба золотая с ним.
Он сыграет на трубе
И поплачет о тебе.

Снег

Ему уже заняться нечем —
Он засыпает будуар,
И ангел – лунный санитар
Меня уводит каждый вечер

В подвал, где тайники забиты
Малиновым фруктовым льдом,
Казнить неведомым судом —
Небесным призрачным ипритом.

Сумерки

Отгудело, отгуляло,
Засыпает Божий мир,
В миске спит бульдожий сыр,
Спит бульдог под одеялом,

Спит за синею гардиной
Деревянный лилипут,
Он не ведает минут,
Он обёрнут паутиной.

Я – линейки не касаюсь.
Всё расчерчено давно.
Я весь день глядел в окно.
Я – здоров. Я улыбаюсь.

Котик

Я заснул, и вы уснёте.
Выплывает серый котик,
Пишет сереньким мелком:
«Ты сегодня далеко».

«Ты рискуешь оказаться
В храме слабых странгуляций».
«Твой небесный барабан —
Акустический обман».

Пишет котик на паркете,
На стене и в туалете.
Вы проснётесь поутру —
Я уже сотру.

Лиза

Над страною
задёрнуты шторы;
сиделка-зима, печники.
Знаешь – солнце в запое —
и спит, и болеет, и ноет,
и, наверное, рвёт дневники,
рвёт конверты; но скоро
сорвётся с карниза,
взлетит над тобою —
такое бывает весною.
О, бедная Лиза.

Апрель

Молчать, не слышать,
Когда постылая зима.
Сползать с унылого ума
По мёрзлой крыше.

Но мимоходом
Апрель – летучая вода
Столкнёт, любя, на провода.
Лети. Свобода.

Ленинград

Я запомнил по рассказам:
Здесь, оставленная мной
Под шершавой мостовой,
Спит душа болотным газом;

Спят чужие селезёнки
И увечная весна.
Я сегодня мал и слаб,
Как мизинец стриптизёрки,

Что предательски ленива,
Да и мне сегодня лень —
Я подглядывал весь день,
Как летает над заливом

Без ветрила и без крыльев,
Преподобен, сед и свят,
Сторожа безумный град,
Ангел острова – Васильев —

Психотропную ракетой,
Непохожей на свечу.
Скоро следом полечу,
Скоро тоже буду где-то.

колчедан

можно ответить — нет, можно ответить — да
если простит вода, в окна войдёт земля
розовый колчедан, стёртые вензеля
камешком в сапоге солнечная руда

лучше не говори, лучше — лицом к стене
слушать чужие сны, в каждом рисунке — снег
в каждом стакане — лёд, сладок летучий яд
думали — недолёт, видимо, не простят

Перекрёсток

В особый час, в особом месте
Угрюмый церемониймейстер
Бредёт в извёстке и тоске,
Рисует крестик на песке —

И на условном перекрёстке
Кипит в таинственном напёрстке
Густой растительный настой.
Меня здесь нет. И ты не стой.

Звёзды

Светят звёзды Пифагора
Над Кремлём,
Ты не слушай разговоров,
Что погрём,
Что такой-то жил, да скоро
И погиб.
Посмотри же, как мне впору
Чёрный нимб.

Картонка

Нас на свете не бывает,
Нас придумали потомки,
Тонким слоем на картонке
Нарисуют в тёплом мае.

На картоночке упрямо
Бьётся, бьётся дольче вита,
Ручейком эритроцитов
Вниз по лезвию Оккама.

Под землёй

Звенит подземная пружина —
Иди, смотри.
Снаружи, может, всё зажило,
А изнутри —
Я сам судья и провожатый
На поезда,
И ожидающий расплаты;
И в час, когда
Летят вагоны в незнакомый
Подземный лес,
Выходят каменные гномы
Наперерез.

метаморфоз

шаловное солнышко морочит:
опять прорвало кокон ночи —
гляди с балкона и в окно:
неугомонное, оно

латунной бабочкой калёной
лежит на крышке небосклона,
пугает нас, пускает сок
и тянет острый хоботок

Венеция

Жизнь – весёлая игра.
На Венецианском фронте —
Pronto, pronto – вы умрёте,
Вы умрёте до утра.

Но безумный свасбой,
Словно позапрошлым летом,
Чёрным шёлковым манжетом
Заполощет над собой —

Подбирается гроза,
Куполам и минаретам
Тем же неслучайным цветом
Пририсованы глаза —

Льётся мёртвая вода.
Вы плывёте, вы идёте,
Вы проснетесь в самолёте —
Мы играем в города.

розмари

нам лежать в остывшем персеполе
на несуществующей траве
без сюжета без вины и боли
вечером в четыре в голове
лопнет электрическая нитка
подрожит немного и внутри
задохнётся пленная улитка
старая улитка розмари

День

С утра ползти на зов знакомый,
Из мягкой комы, мимо дома;
Лежать в безжалостной смоле,
Затем катиться по земле
Липучей карамелькой с вишней;
Не умирать, остаться лишним,
Быть не таким и не при чём,
Дрожать оранжевым лучом,
Пока хрустальный световод
Тебя коварно проведёт
Сквозь пищевод левиафана;
Лениться, притворяться пьяным —
Опять валяться на боку;
Успеть к четвёртому звонку
Помочь прекрасной эфиопке
Кропить в серебряной коробке
Настоем ягод и цветков
Дюймовок, гномов, колобков.

Кораблик

Музыкальный кораблик – пружинный конвой —
Напевая, кивая, плывёт за тобой;
Даже если утопишься – следом
Захлебнётся малиновым бредом,

Затаится на дне, а потом изнутри
Голоса, припадая на счёт раз-два-три,
Будет биться последнее скерцо,
Но надёжна латунная дверца.

не удержать

не удержать – уплыли
можно кричать – не поможет
вечером над облаками
вдоль небесной камбоджи
вдаль по небесной каме
на надувном крокодиле
из прошлогодней кожи
те что меня не любили
те что хранили – тоже

машут руками

Рисунок

Рисунок левою рукой
На корке старого блокнота —
Два лета медленного лёта
Над пересохшею рекой;

Царя унёс угрюмый дух,
Но не в пролёт и не с балкона,
Не по следам квадриллиона
Меланхолических старух,

Вертящих золотую нить,
Ворча, что их опять забыли,
Пока летали легче пыли.
Его уж точно не забыть:

Он видит сны – и вас во сне —
В хрустальном стареньком бараке,
И с ним усталые собаки
На тёплой кафельной луне.

Жара

Слышишь: выжжены жарой,
прорывая оболочки,
крошатся пустые строчки.
Или, может, неживой

трётся ветер об эфир
недобритою щекою —
счастья нет — и фиг с тобою.
Или из пустых квартир

пролетая на жуках —
невесомы, многоноги —
шелестят бывшие боги
на засохших языках.

для СтеппенВольфа

когда горит нервический париж
сворачиваясь чёрными цветами
ты говоришь и медлишь и паришь
мы это пламя

мы эти бабочки мы сладкий чад
мы саранча сжигающая клевер
и саламандры юные кричат
домой на север

Happy birthday

Иллюзионом зыбкая свобода,
На день домой – такое время года,
Каникулы, Николь, другие голоса,
Портвейн, вторая полка – ближе небеса,
На чёрных линиях ночные поезда,
Сквозь угро-финские леса лететь туда,
Где бабушка спасёт и сохранит;
Уже болит, но всё же не пиит,
Пока не пишется – ещё не одинок.
Но вот вагон на перегоне на восток
Обгонит Время в кедах – меж обедом
И завтраком, в дыму, на спор с соседом:
Оно потом не вспомнит этот морок
И эту скорость. Синих переборок
Плац-карты не увидеть. Он проснётся,
И будет день; наверно, будет солнце
Уже совсем другим, он не узнает лес.
И нет ни бабушки, ни дома, ни небес.
И скоро сорок.

Велосипед

А в сорок стать хорошим, и за это
В награду от муниципалитета
Оформят разрешение (не медаль)
И справку на провоз в метро велосипеда;
И фарою светить, когда не станет света,
Рукою левою крутя педаль,
И, не участвуя в весёлой суете
Смеющихся, свистящих в темноте,
Мечтающих дойти до турникета,
Читать главу вторую Фауста, опять
Пытаясь хоть чего-то в ней понять.
Всё тщета.

делирий

пикируя на плоскости полян,
как падавший когда-то снег из ваты,
из комнаты, где псы и психопаты,
из греков, из сарматов, из древлян,
из траченных латынью серых снов,
из старых слов в разбитых окнах гугля —
не найденных — обходчик нездоров;
возьми в полёт эфира, серы, угля,
любви из боли, сердце из свинца...

...живущие от третьего лица
по клёкоте ликующих валькирий
начнут пеленговать его делирий —
они спешат смешного беглеца
запаковать в небесный целлофан...

...но поздно — он просвечен, но не пьян,
он вырвется из горней процедурной,
обломками ревущего сатурна
осыплется на золото полян.

туча

как сладко осенью возжечь
кирпичики любимых книжек
по лесенке слепого дыма
сопя карабкаться наверх

и в серой туче увидеть
большого огненного дятла
и в ужасе бежать по туче
и в туче ноги промочить

и инфлюэнцей заболеть
и умереть и не вернуться
и ничего потом не помнить
совсем не помнить ни о чем

Гностик

Подняться утром
Сверкает осень
Как дым оранжев
Как близко к Богу
Душа ликует
Душа томится
В объятьях плоти
Как тесно тело
О эти карлики —
— хирурги
В тяжёлых шапках
Из меха зверя
В умильных ботах
Из кожи с медью
Не брызнет искра
Из-под подошвы

Давай давай же!
И плоть разъяли
Распался кокон
Наружу с треском
Душа взлетела
Ещё дрожала
Но вот обсохла
И заискрилась

И вот — запела
Чуть-чуть фальшиво
Пускай — привыкнет
К гармонии
В хрустальных сферах

осеннее

было нынче лето или нет —
кто повозку лунную догонит
выглянули — осень на балконе
на дворе на рельсах на луне
мокрые драконы в конуре
мокрый иероглиф на заборе
первый снег на чорном мониторе
да опять нули в календаре

Стены

...Здесь указано всё, и расписаны сцены,
Что нам делать на этом полу из стекла,
Тихо-тихо вздыхают стеклянные стены,
И внимательный взгляд из другого угла,

И пока не пошлют за врачами соседи,
Нас укроет (свобода ему дорога),
Нас вдохнёт сквозь трубу из изъеденной меди
Древний бог четверга, страшный бог четверга.

Прохожий (О. Р.)

Я последний осенний прохожий, а тут
Только жёлтые листья по лужам плывут.
Эти лужи – без дна, этот город – китай,
Ты последние сводки ночные читай —

Им положено быть где – то в области сердца.

Не разгадывай ночь – не читая, уйду.
Утром листья-галеры замёрзнут во льду,
И гребцы на галерах, конечно, умрут —
Так всегда умирают рабы поутру,

Если некуда плыть, если некуда деться.

«в среду вечером скажут – сдуру можешь поверить...»

в среду вечером скажут – сдуру можешь поверить
этой ночью опять умирать – заплакать
и вот из тебя убегают разные птицы и рыбы и звери
в перелески садки перекрёстки слякоть
слёзы глотают – чёрный йогурт четверг – liebe mutter
думать думать одно – холодно – как всего было мало

жизнь вернётся обратно в пятницу утром
мокрой собакой под одеяло

Дедушка

Дедушка в муаровых обносках
Помирает на горбатых досках,
Ничего ему уже не надо,
Тает старомодная помада,
Красная москва проела шаль,
Не нужна красивая каталка,
И ему себя уже не жалко.
Ну а мне себя сегодня жаль.

Судьба

Подглядывать из детства сквозь трубу,
Трубить в неё, отслеживать судьбу,
Выискивать судьбы приманки лисьи;
К чему? – Но мы нашли и повелись, и
Случайно выпали из времени в бреду —
Теперь зима четыре месяца в году,
И мы уже не верим, будто где-то
Зима – пломбир, всё остальное – лето.

Словолы

Словолы птицелы:
Нелегкы, всегда готовы:
Ловят в маленькую сеть
Слово жизнь и слово смерть.

Скажут: жизнь – смешное слово,
Лёд на палочке еловой,
Пережжённый леденец.
Вот начало – вот конец.

«СИДИТ, КИВАЕТ ГОЛОВОЙ...»

сидит, кивает головой
его из книги долговой
наутро выведут квасцами
а дальше – выбирайте сами
вам – иммортели асфodelи —
и вот ночные метрдотели
несут летейский кипяток:
никто не будет одинок

Изюм

Приговорённый вечностью сидел и думал:
Куда ведёт
Беседа едоков горячего изюма,
Кривящих рот.

Ведь корабли ведомы не туда, не теми,
Тяжёл помол.
И лопались слова, и проливалось время
На тёплый стол.

«заставляли остаться живым: чтобы наверняка – ...»

заставляли остаться живым: чтобы наверняка —
рисовали усталое солнце, другие предметы;
выкликали, искали, хотели оставить пометы
в специальных разделах спасительного дневника,
запереть от судьбы в кипарисовом теле ларца —
ты теперь пассажиром в дежурном бумажном вагоне,
и тебя, может быть, может быть, до утра не догонят
бытовые убийцы и девушки в белых венцах

Черновики

Верти, накручивай словес тугую вязь;
Щелчок – из рук летит пластмассовый стаканчик.
Я маленький звонарь, я оловянный мальчик,
Я жив, пока строка не порвалась.

...Когда просыплется песчаная строка,
В последнем приступе забьётся колокольчик,
Проступит на песке твоя личина волчья.
Отец, я оживу в твоих черновиках.

Ужин

Мефодий

Мефодий пьян, срывается домой,
Неявный бег кротов под мостовой,
Далёкий клёкот бешеных грачей
Его страшит, он беден, он ничей.

И восемь кошек, семеро котят
В окошки укориженно глядят;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.